

Формула „экономическаго самодовлѣнія“ дѣйствительно вызываетъ недоразумѣнія, и идея самодовлѣнія въ точномъ смыслѣ есть идея совершенно утопическая. Но вскрывая ея несостоятельность и изгоняя ее изъ употребленія, надлежитъ помнить, что этимъ отрицательнымъ сужденіемъ совершенно ничего положительнаго по существу для экономической характеристики отдѣльныхъ странъ не высказывается. Нѣтъ политическихъ цѣлыхъ, экономически „самодовлѣющихъ“, но разныя политическія цѣлыя весьма разнятся по своему экономическому укладу.

Весьма выпукло въ данныхъ, приводимыхъ Dapoz, выступаетъ экономически скромная роль колоній для старыхъ странъ-метрополій. Отсюда авторъ справедливо заключаетъ (стр.69), что „колониальная политика не можетъ найти себѣ основанія въ мнѣіи „самодовлѣнія“; она можетъ быть оправдана лишь соображеніями общей политики, а не политики экономической. Колоніи какъ Франціи, такъ и Англіи были основаны не потому, что прежде всего нужно было обезпечить этимъ державамъ сырье для ихъ промышленности и рынки для ихъ издѣлій. Колоніи были основаны ради увеличенія политическаго значенія этихъ странъ, дабы открыть новое поле дѣятельности для ихъ гражданъ“.

Интересенъ также по существу и методически и другой выводъ автора, что основными факторами, опредѣляющими внѣшній товарообмѣнъ разныхъ странъ между собою, являются ихъ географическая близость и степень ихъ богатства. Эти два момента, а не мѣропріятія экономической политики обуславливаютъ собой характеръ и направленіе товарообмѣна. „Преобладающая роль этихъ естественныхъ причинъ объясняетъ устойчивость международнаго оборота“ (стр. 69).

Мысли и выводы автора не новы, но его этюдъ, благодаря обилію выразительныхъ статистическихъ таблицъ и діаграммъ, представляетъ весьма удобное и нужное пособие при анализѣ явленій международнаго товарообмѣна. Для пониманія измѣненій, происшедшихъ въ послѣвоенную эпоху и вообще весьма трудно еще уловимыхъ, трудъ Dapoz, конечно, почти ничего не дастъ.

Петръ Струве.

#### 4. Домъ Литераторовъ. Пушкинъ. Достоевскій.

##### Петербургъ 1921. Стр. 147.

Маленькая книжечка in 16<sup>o</sup> — сборникъ, составившійся изъ нѣсколькихъ рѣчей, произнесенныхъ на собраніяхъ „Дома Литераторовъ“, посвященныхъ памяти двухъ великихъ русскихъ творцовъ. Открываетъ сборникъ „декларация (о) ежегодномъ всероссійскомъ чествованіи памяти Пушкина въ день его смерти“, подписанная различными „учрежденіями и организаціями“, въ томъ числѣ „союзомъ пролетарскихъ писателей“ и „цехомъ поэтовъ“. Весьма характеренъ подходъ къ оцѣнкѣ творчества и историческаго значенія Пушкина, которою авторы декларации стараются обосновать „чувство благоговѣнія“ передъ Пушкинымъ — „для всякаго культурнаго русскаго челоука Пушкинъ прежде всего — символъ общественно-историческаго значенія литературы, а судьба его — прижизненная и посмертная — неповторимый примѣръ могущества пера“.\*) За этимъ слѣдуетъ неизбѣжная цитата изъ „Памятника“. Такъ снова творчество духовное, строительство культуры вдвигается въ узкія и тѣснящія рамки общественности: почему, становится понятно изъ пристальнаго вдумыванія во всю идеологию сборника — жизни, стихійно-текущей и замкнутой въ своей самодовлѣющей законѣрности, противопоставляется только „чи-

\*) Мнѣ чуется въ этихъ словахъ преимущественно новая политическая „эзоповщина“, одно изъ непререкаемыхъ „завоеваній революціи“.

сто-художественная" цѣнность поэтического созерцанія; о творческих идеалахъ, которые были бы заданіемъ превозмогающей стихій воли, которые бы обновляли жизнь свободно избираемыми цѣнностями, здѣсь не говорится. Наибольше характерна въ этомъ отношеніи рѣчь Ал. Блока „О назначеніи поэта“, — ея тезисы отчасти уже извѣстны изъ другихъ недавно опубликованныхъ прозаическихъ опытовъ Блока за послѣдніе годы. Блокъ созерцаетъ міръ и природу существенно натуралистически — „міровая жизнь состоитъ въ непрестанномъ созиданіи новыхъ видовъ, новыхъ породъ“, говоритъ онъ; міръ — творящій хаосъ, изъ котораго неудержимо рождается „космосъ“ и „гармонія“, рождается и гибнетъ. Мы — только сторонніе наблюдатели возникновеній и крушеній, увлекаемые потокомъ жизни — „участіе наше — большей частью бездѣятельно“, мы пассивно „способствуемъ образованію новыхъ породъ“... Здѣсь нѣтъ мѣста творчеству, и понятно, что и поэтъ оказывается для Блока не творцомъ, а какъ бы толкователемъ наличнаго и даннаго. „Три дѣла возложены на него: во-первыхъ, освободить звуки изъ родной безначальной стихіи, въ которой они пребываютъ; во-вторыхъ, — привести эти звуки въ гармонію, дать имъ форму; въ третьихъ — внести эту гармонію во внѣшній міръ“; активность послѣдняго „дѣла“ — мнима, — „похищенные у стихій и приведенные въ гармонію звуки, внесенные въ міръ“, говоритъ Блокъ, „сами начинаютъ творить свое дѣло“. Гармонія подслушивается, — улавливается чуткимъ слухомъ „на бездонныхъ глубинахъ духа, гдѣ человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ“; тамъ „катятся звуковыя волны, подобныя волнамъ эфира, объемлющимъ вселенную; тамъ идутъ ритмическія колебанія“... „Творить“ поэтъ лишь въ области словесной формы, въ области „мастерства“, какъ выражается самъ Блокъ; новаго въ міръ онъ ничего не вноситъ. Его свобода — свобода только отъ „черни“, отъ сложности внѣшней жизни, — и нужна она для того, чтобы проникнуть въ стихійныя нѣдра безличнаго созиданія, гдѣ растворяется въ неизбывныхъ переходахъ всякая индивидуальность. — Съ такимъ мироощущеніемъ нельзя выйти за зачарованныя рамки „даннаго“ и преодолѣть бѣгъ времени.

Въ пониманіе пушкинскаго творчества три посвященные этой темѣ статьи (В. Ходасевича, Колеблемый треножникъ; А. Ф. Кони, Общественные взгляды Пушкина; Б. Эйхенбаума, Проблемы поэтики Пушкина) вносятъ не много. Ходасевичъ ставитъ интересный вопросъ объ отношеніи между Пушкинымъ и современностью, но не рѣшаетъ его и даже не намѣчаетъ пути къ рѣшенію: нельзя его рѣшить, не осознавши своего самосоздаемаго лица, — однимъ исканіемъ внѣшне-слагающагося „лика“ современности. Кони со своею обычною манерою „гуманиста“—эстета выдѣляетъ у Пушкина мотивы гражданской скорби и милости къ падшимъ. Эйхенбаумъ сообщаетъ рядъ стилистическихъ наблюдений надъ пушкинскимъ стихомъ и ритмикою его прозы, — кромѣ стила для него въ „искусствѣ“ Пушкина нѣтъ ничего. — Все это въ качествѣ деталей какой-то углубленной работы надъ осознаніемъ Пушкина, какъ русскаго гения, бесспорно было бы интересно. Но этой работы еще нѣтъ, и тогда такого рода „александрійскія“ изысканія безплодны и ни къ чему. „Душа“ Пушкина не можетъ быть уловлена иначе, какъ напряженною думою надъ „загадками мірозданья“, тревожившими ее — и только въ свѣтѣ общей „философской“ интуиціи великаго поэта могутъ быть поняты его „общественные“ взгляды, разгадано его художественное мастерство и найдено ему мѣсто въ тревожномъ сознаніи современности.

Отдѣлъ сборника о Достоевскомъ представленъ въ сущности одною статьею А. Г. Горнфельда — „Два сорокалѣтія“ (имѣются въ виду сорокалѣтія прижизненной критики и посмертнаго изученія); — очеркъ А. Ремизова — „Огненная Россія“, написанный съ несомнѣннымъ эмоциональнымъ подъемомъ, насыщенный чувствомъ рождающейся жизни, для пониманія Достоевскаго не дастъ ничего. — Горнфельдъ производитъ очень тонко-выполненное обзорѣніе „критической литературы“ о Достоевскомъ, — такого очерка мы до сихъ поръ не имѣли. Очень ярко выступаетъ передъ нами

картина сплошного непониманія Достоевскаго его современниками, тщетно вдвигавшими его въ рамки бытописанія и психопатологическаго анализа: ни „таланта“, ни „мировоззрѣнія“ его они просто не замѣчали. Удачно изображается дальнѣйшее возникновеніе и нарастаніе пониманія и „вкуса“ къ Достоевскому, связанное съ именами Влад. Соловьева, Михайловскаго и Розанова; однако, сопоставленіе этихъ именъ вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Можно-ли „Жестокій талантъ“ назвать вслѣдъ за Горнфельдомъ „исслѣдованіемъ“ творчества Достоевскаго и признать психологически вѣрной, — хотя-бы и не исчерпывающей, — характеристику, данную Михайловскимъ Достоевскому, какъ человѣку и наблюдателю жизни? Какъ разъ „исслѣдованія“ Соловьева, Розанова и шедшаго за ними Мережковскаго показываютъ всю неосновательность того внѣшняго и формальнаго опредѣленія, въ которомъ Михайловскій шелъ въ сущности за „критикой“ 60 и 70-хъ годовъ: внѣ содержанія собственныхъ положительныхъ идеаловъ автора „Братьевъ Карамазовыхъ“ „жестокость“ его таланта и страдность его образовъ рѣшительно непонятна. — Непонятно отсутствіе въ обзорѣ Горнфельда хотя-бы бѣглаго упоминанія о проникновенныхъ опытахъ истолкованія Достоевскаго, сдѣланныхъ Вяч. Ивановымъ давно уже на страницахъ „Русской Мысли“, — они заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ поминаемые въ текстѣ Вересаевъ и Переверзевъ. Врядъ-ли это случайно: Горнфельдъ правильно связываетъ развитіе взглядовъ на Достоевскаго съ общею эволюціей русскаго сознанія, но онъ не улавливаетъ подлиннаго, „содержательнаго“ смысла этой эволюціи, — однимъ нарастаніемъ „романтизма“, вѣдь, она не исчерпывается... Ирраціонализмъ, интуитивизмъ, „религіозность“ — все это только формальная поверхность; ядро совершавшагося въ истекшіе полвѣка сдвига интеллигентской мысли состоитъ изъ сплетенія національно-русской и церковно-православной идей... Достоевскій, какъ пророкъ раскрывающейся русской народной тайны, какъ проповѣдникъ назрѣвающей православнаго „возрожденія“, — вотъ образъ, угаданный уже Соловьевымъ, почти что очерченный Мережковскимъ... И съ этимъ полнокровнымъ и яркоцвѣтнымъ образомъ связана тяга русской мысли и русской воли къ Достоевскому. Понять этотъ узелъ совершающихся нынѣ возвратовъ къ нашему „прошлому“, опять таки, можно единственно самому взойдя на путь исканія. — Пушкинъ и Достоевскій, — такъ они противоположны. Почему теперь идутъ ко второму, а не къ первому? Это сложная загадка, но не психологическая только, а идеологическая, — явленіе это связано съ самимъ содержаніемъ современныхъ вопросовъ.

Наше прошлое мы знаемъ плохо. Идеиное наслѣдіе „отцовъ“ мы изучили, поняли и восприняли плохо. Но путь плодотворнаго освоенія „преданій“ ведетъ только черезъ творчество и исканіе новаго, а не чрезъ то „ученое“ исслѣдованіе, примѣры котораго даютъ опыты петербургскихъ „литераторовъ“.

Прага Чешская, 21-III-1922.

Георгій В. Флоровскій.